ИЗЪ СТУДЕНЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Посвящается студентамъ Духовныхъ Академій).

Се что добро, или что красно, но еже жити братіи вкупѣ.—Яко тамо заповѣда Господь благословеніе, и животъ до вѣка (Псал. 132, 1 и 3 ст.).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Друзья-товарищи! пятьдесятъ промчалось лѣтъ, какъ окончили мы курсъ Кіевской Д. Академіи, по счету *четырнадцатый* (1845—1849 г.). Изъ вступившихъ въ составъ оного, множайшіе—до сихъ поръ—окончили и курсъ жизни. Приближаясь и мы немногіе, оставшіеся еще—по милости Божіей—въ живыхъ, къ концу земного странствованія, — вспомянемъ съ любовію христіанскою бывшихъ нашихъ академическихъ начальниковъ и наставниковъ, а также и нашихъ собратовъ, въ вѣчность отошедшихъ прежде насъ: — молитися о душахъ нашихъ. Такъ, такъ: знавши ихъ благочестіе и благонравіе, уповаю, что, если не всѣ, то многіе изъ нихъ предстоятъ молитвенниками и за меня грѣшнаго, сіе пишущаго отъ сердца, исполненнаго памятію любви христіанской о незабвенныхъ. Итакъ, начинаю.

Въ наше счастливое въ студенчествѣ время воспитанники духовныхъ семинарій знали добре Священное Писаніе. Знали тогда семинаристы добре и всѣ науки бого-

словскія, въ частности отличались студенты разныхъ семинарій преимущественными успѣхами въ разныхъ наукахъ тогдашней школы богословской — духовныхъ семинарій православныхъ и духовныхъ нашихъ Академій. Студенты семинаріи Могилевской изумляли насъ — своихъ сокурсниковъ по Академіи — подробнымъ знаніемъ священно-церковной исторіи, по руководству къ знанію сей исторіи составленному блаженной памяти Иннокентіемъ, епископомъ Пензенскимъ. Студенты изъ семинарій Воронежской, Полтавской, Черниговской и Харьковской оказывались великими знатоками Священнаго Писанія и были добрыми проповѣдниками. Рязанцы отличались знаніемъ древнихъ языковъ. Орловцы и Туляки были великими математиками. И вообще собравшійся въ Кіевъ въ 1845 г. сонмъ юношей-семинаристовъ былъ настолько подготовленъ къ слушанію высшихъ курсовъ наукъ въ Академіи, что можно было хотя *отчасти* согласиться съ замѣчаніемъ одного изъ студентовъ XIV курса, любезнѣйшаго Іосифа Стефановича Алексинскаго, который разъ на прогулкѣ по бульвару Кіево-Подольскому говорилъ пишущему сіе товарищу своему не шутя сіе: «знаете ли, Н. І., что я думая о нашемъ курсѣ?»—*я*: «что же именно»? — *Алексинскій*: «думаю, что всѣ мы — геніи»... Сей добрѣйшій и подлинно умнѣйшій юноша почилъ о Господѣ, какъ только окончилъ курсъ Академіи. Вѣчная буди тебѣ память, и да вчинитъ тебя, душа добрая Іосифе, Господь въ чинъ геніевъ небесныхъ—святыхъ ангеловъ Божіихъ, призрѣвши благоутробно на непорочную юность твою!

Вы, юные читатели сей статейки, конечно скажете, что мысль Алексинскаго была дѣтски-наивна, ибо геніи не являются во множествѣ, и не очень часто являются они. Поясню же вамъ, возлюбленные, что въ наше время всѣхъ первакова семинарій звали геніями. А какъ изъ такихъ первакова составился и курсъ нашъ—14-й, то Алексинскій — по тогдашнимъ понятіямъ — былъ правъ, назвавъ всѣхъ студентовъ 14-го курса *геніями*. И еще замѣчу при

семъ, что въ наше время не было у первыхъ семинаріи студентовъ стремленій поступить въ университеты: всѣ перваки тогда желали быть студентами Духовныхъ Академій. Почему такъ? По многимъ причинамъ, но главнѣе по той, что свѣтъ просвѣщенія въ духѣ истиннаго христіанства изливался на тогдашнихъ семинаристовъ изъ Духовныхъ Академій. Такъ что можно сказать, что мы, еще въ семинаріяхъ обучаясь, уже состояли въ числѣ слушателей нашихъ Духовныхъ Академій. Ибо, *во-первыхъ*, всѣ наши добрые и препочтенные наставники въ семинаріяхъ, и даже въ духовныхъ училищахъ, были питомцы Академій; *во-вторыхъ*—кромѣ ихъ намъ уроковъ изъ Академій ими изнесенныхъ—мы имѣли счастіе читать журналы всѣхъ нашихъ Академій. Журналъ Кіевской Духовной Академіи *Воскресное Чтеніе* прочитываемъ былъ нами еще когда были мы въ дух. училищѣ. Равно и журналъ Спб. Дух. Акад. *Христіанское Чтеніе*. Въ 1845 году мы читали и журналъ Моск. Дух. Акад. *Творенія св. Отцевъ*,—и благоговѣйно благодарили издателей за подарокъ намъ *истинно твердой пищи* богословія въ драгоцѣнныхъ твореніяхъ св. Григорія Богослова [1]). Кромѣ того изъ той же Академіи явился къ намъ благодатный гость во спасеніе—св. Іоаннъ Златоустый, въ переводѣ его толкованія свящ. Евангелія отъ Матѳея, совершенномъ незабвеннымъ въ исторіи духовнаго просвѣщенія профессоромъ Моск. Дух. Акад. протоіереемъ Петромъ Спиридоновичемъ Делицынымъ. Въ *Христ. Чтеніи* много статей было напечатано, которыя насъ истинно питали духовно. Изъ нихъ—послѣ драгоцѣнныхъ словъ святоотеческихъ — особенно памятны труды преосвященнаго архіепископа Иннокентія (*Борисова*),

---

[1]) Блаженной памяти Филаретъ, митрополитъ Московскій пожелалъ, чтобы началось изданіе твореній святоотеческихъ переводомъ твореній св. Григорія Богослова, дабы оное при жизни его совершилось, и самъ перечитывалъ и повѣрялъ переводы. Объ этомъ повѣдалъ студентамъ Кіевск. Ак. Платонъ, Костр. архіепископъ.

помѣщенные въ журналѣ семъ: это 1) Жизнь св. Ап. Павла и 2) Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. Послѣднее твореніе авторъ многократно исправлялъ потомъ, по требованію Святѣйшаго Синода, и въ окончательномъ—по исправленіи—видѣ своемъ оно явилось книгою замѣчательною и предостойною вниманія каждаго, кто истинно любитъ и чтитъ Господа Іисуса Христа, великаго Бога и Спаса душъ нашихъ.

Кромѣ этого сочиненія преосвящ. Иннокентія (*Борисова*) мы назидались и другими его драгоцѣнными твореніями. Незабвенъ доселѣ даръ пишущему сіе отъ наставника семинаріи Владимірской, бывшаго слушателя Иннокентіева въ IX-мъ курсѣ Кіев. Дух. Акад. Алексѣя Васильевича Миртова; и даръ сей былъ «Свѣтлая седмица»—сборникъ Пасхальныхъ проповѣдей Иннокентія. Позднѣе наслаждались мы и его другими многими проповѣдями: «Съ нами Богъ—бесѣды на Рождество Христово», «Св. В. Четыредесятница—бесѣды на В. Постъ» и проч.

Замѣчательно, что одинъ изъ дух. сыновей преосв. Иннокентія видѣлъ во снѣ: явился ему архіеп. Иннокентій и сказалъ: прощены мнѣ грѣхи мои за многія мои проповѣди. О семъ видѣніи повѣдалъ пишущему сіе схіеромонахъ Николай, недавно скончавшійся во св. Кіево-Печ. Лаврѣ.

Назидались мы и лекціями знаменитаго тогда профессора Спб. Дух. Академіи Василія Николаевича Карпова. Его *пневматологіи* позавидовалъ бы и пресловутый тогда Гегель. Благодаря наставникамъ нашимъ въ семинаріяхъ, мы прочитывали съ великою для ума и сердца пользою такія драгоцѣнныя книги, какъ «Торжество Евангелія», «Исторія восточной и западной церкви (въ энциклопедическомъ лексиконѣ незабвеннаго нашего ученаго Николая Іоанновича Надеждина).—А въ огражденіе юныхъ умовъ нашихъ отъ заразы страшнымъ ядомъ волтеріанства, Господь привелъ намъ читать замѣчательное сочиненіе одного изъ благочестивыхъ аббатовъ Франціи, подъ заглавіемъ: «Исторія яко-

бинскаго клуба»—въ 9-ти большихъ томахъ. Въ первомъ томѣ этой книги узрѣли мы воочію ту сатанинскую ненависть Вольтера ко Христу, о которой повѣдалъ намъ во Владимірской дух. семинаріи профессоръ нашъ по исторіи, Василій Ѳедоровичъ Романовскій (*изъ воспит. М. Д. А.*). Онъ говорилъ намъ: «Вольтеръ отъ злости на то, что 12 Апостоловъ пронесли Евангеліе по всему міру, грызъ себѣ ногти до крови».

Итакъ, повторяю,—мы были учениками Академій, еще до вступленія нашего въ Академію. Тѣмъ не менѣе слово: «Академія» звучало для насъ восхищающимъ словомъ, и мы сердечно радовались, когда удостоились быть принятыми въ число воспитанниковъ Кіевской Дух. Академіи въ 1845 году... Мы... не о себѣ говорю сіе, неподходящее къ одной личности, слово, но говорю о всѣхъ студентахъ дух. семинарій, стекшихся тогда во градъ Кіевъ, въ его досточтимую издревле духовную школу... Всѣ, всѣ радовались мы тогда, прибывшіе сюда изъ разныхъ мѣстностей Россіи Богоспасаемой.

---

14 августа 1845 года переносилъ насъ студентовъ поромъ чрезъ рѣку Днѣпръ. Благовѣстъ къ божественной литургіи въ св. Кіево-Печерской Лаврѣ оглашалъ слухъ нашъ. День былъ свѣтлый. Радостно чувствовалось на душѣ. Мы прибыли въ зданіе Академіи, гдѣ нашли все приготовленнымъ къ принятію насъ-новичковъ. Послѣ праздника Успенія Богоматери вечеромъ на 16 августа пошли мы студенты ко всенощной: помолиться Всемилостивому Спасу, въ особенности о томъ, чтобы даровалъ Господь благодать пріобрѣсти въ Академіи право быть магистрами—сирѣчь учителями богословія. Академія намъ показалась прекрасною. Ибо начальники и наставники въ оной тогда 1845—1849 г.—были верхъ желаемаго совершенства. Но—что драгоцѣннѣе было юношескимъ сердцамъ нашимъ—первосвятитель тогдашній, блаженной па-

мяти высокопреосвященный митрополитъ Кіевскій и Галицкій Филаретъ (*Амфитеатровъ*) не менѣе свѣтилъ міру, какъ и его другъ-современникъ незабвенный во святителяхъ Филаретъ (*Дроздовъ*), митрополитъ Московскій и Коломенскій.

При отъѣздѣ въ Академію, не безъ скорби разставаясь съ родителями и сродниками, мы чувствовали вмѣстѣ грусть и о томъ, что оставляемъ нашихъ драгоцѣнныхъ епархіальныхъ архипастырей. Но какъ скорбь наша по родимыхъ намъ утолилась, когда мы въ начальникахъ и наставникахъ Академіи нашли себѣ истинныхъ отцовъ; такъ и въ скорби по архипастыряхъ утѣшились мы созерцаніемъ и слышаніемъ Филарета (*Милостиваго* — какъ его звали въ Кіевѣ тогда всѣ), который—какъ солнце—сіялъ всему ученому міру Кіевскому, не только духовному, но и свѣтскому [1]).

На другой дѣнь послѣ праздника въ честь Нерукотвореннаго Образа Христова, 17 августа 1845 г. собрались мы-новички въ залу Академіи писать экзаменаціонное сочиненіе на тему, данную митрополитомъ: «Въ чемъ болѣе проявились Божіи премудрость и благость и всемогущество,—въ твореніи міра или въ искупленіи человѣка?». Наилучшія сочиненія по сему оказались двухъ студентовъ:

---

[1]) Преосв. митрополитъ Кіевскій Филаретъ зналъ творенія свв. отцовъ и учителей церкви совершеннѣйшимъ образомъ, и самъ былъ богословомъ—священнопроповѣдникомъ вѣры и благочестія христіанскаго въ духѣ свв. отцовъ и учителей церкви православной. Сколько онъ былъ царелюбивымъ іерархомъ и патріотомъ, столько былъ взаимно почитаемъ отъ Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая I-го *Незабвеннаго*. Честныя мощи сего митрополита въ 1882 г. — при погребеніи тѣла высокопреосвященнѣйшаго М. К. Филоѳея — были обрѣтены *нетлѣнными*. Надъ гробомъ его совершаются литіи, и по нихъ моленія объ исцѣленіи болящихъ. И сіи исцѣлѣваемы бываютъ. *П. Н. Ф. Примѣчаніе отъ Редакціи*: Различаемъ чудеса, о которыхъ свидѣтельствуютъ хотя и компетентныя, но частныя лица, отъ чудесъ въ собственномъ смыслѣ, засвидѣтельствованныхъ и признанныхъ таковыми высшею церковною властію.

одного изъ семинаріи Владимірской и другого—изъ Кіевской. Сей послѣдній былъ однимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ 14-го курса Кіевской Академіи. Онъ написалъ и третное сочиненіе на тему: «Въ чемъ состоитъ образъ и подобіе Божіи въ душѣ человѣка» превосходное, за что и удостоенъ былъ быть поставленъ въ спискѣ къ экзаменамъ Р. Х. 1845 г. подъ 1-мъ номеромъ. Къ сожалѣнію, болѣзнь въ глазахъ ему—Василію Васильевичу Крыжановскому—не дозволила много заниматься наукою, такъ что окончилъ онъ курсъ Академіи только со званіемъ студента. Болѣзнь глазная не оставляетъ его и доселѣ. Онъ—пастырь церковный въ селѣ, гдѣ и родитель его священствовалъ. Несмотря на болѣзнь въ глазахъ, о. Василій Васильевичъ Крыжановскій продолжаетъ заниматься науками. Любимѣйшій предметъ его занятій—богословіе нравственное. И онъ такъ прекрасно изучилъ оное, что если бы ему дали въ Академіи каѳедру нравственнаго богословія, то Василій Васильевичъ высоко поднялъ бы знамя науки этой.. Самъ онъ, могу сказать, осуществленіе нравственности истинно-христіанской. Проповѣдникъ онъ великолѣпный, но по смиренію проповѣдей своихъ не отдаетъ въ печать. По чувству того же смиренія онъ остается и сельскимъ пастыремъ, хотя его многократно вызывали въ настоятели соборныхъ храмовъ въ епархіи Кіевской. Пишу нарочито съ подробностію о семъ студентѣ 14-го курса Кіевской Духовной Академіи,—чтобы показать нѣкоторымъ изъ русскихъ писателей, любящимъ нападать на духовенство, въ особенности сельское,—что и въ селахъ православной нашей Россіи—благодареніе Господу—еще горятъ свѣтильники истинные. Незабвенный поэтъ русскій Іоаннъ Іоанновичъ Козловъ въ поэмѣ: «Наталья Борисовна Долгорукая», — безъ сомнѣнія не наобумъ, а по собственному наблюденію изобразилъ образъ превосходнаго сельскаго священника въ селѣ графа Шереметева подъ Москвою. Вѣчная да будетъ за сіе память рабу Божію приснопамятному Іоанну.

А тебѣ, возлюбленный по курсу собратъ, честнѣйшій отецъ Василій, 75-лѣтнему старцу, тоже 73-лѣтній старикъ, желаю прожить еще на свѣтѣ лѣтъ двадцать пять, для славы Божіей, для блага церкви, для спасенія многихъ.

Послѣ экзаменовъ вступительныхъ и богомольнаго путешествія нашего въ Лавру, объявлено о принятіи насъ въ число студентовъ Академіи. Но вмѣсто восьмидесяти кандидатовъ, оказалось только шестьдесятъ принятыми. Затѣмъ молебенъ о благоуспѣшности ученія въ храмѣ Благовѣщенія Конгрегаціонной церкви, и началось ученіе. На первые уроки пришли нѣкоторые изъ непринятыхъ. На послѣдующихъ урокахъ они отъ насъ скрылись. Намъ было жаль, что насъ оставили эти юноши. Но впослѣдствіи времени Господь привелъ насъ видѣть ихъ уже на службѣ, по выслушаніи ими университетскаго курса, и даже хоронить ихъ,—и мы провожали ихъ на тотъ свѣтъ, какъ нашихъ добрѣйшихъ товарищей по Академіи, хотя весьма кратковременныхъ [1]).

Первый, кто осчастливилъ насъ, грустившихъ по родинахъ своихъ, былъ баккалавръ іеромонахъ Михаилъ (*Монастыревъ*). Онъ на первой лекціи по Священному Писанію указалъ намъ способъ избавиться отъ хандры въ христіанскомъ философствованіи. Рекомендовалъ также книги для чтенія, которыя внушаютъ истинно-христіанское мудрованіе [2]). Незабвенна первая лекція намъ отца Михаила.

---

[1]) Изъ числа таковыхъ былъ Викторъ Сильвестровичъ Гогоцкій, сынъ каѳедральнаго протоіерея К.-Подольска, и родной братъ профессора Кіевской Дух. Акад. и университета св. Владиміра Сильвестра Сильвестровича Гогоцкаго.

[2]) Одну изъ таковыхъ напомяну здѣсь. Это „Ночи Эдуарда Юнга“.— Отецъ Михаилъ говорилъ намъ: „это безцѣнное твореніе: читайте его. Но не читайте Гете: ибо Гете—пантеистъ“. Книга Юнга была въ библіотекѣ родителя моего, который собралъ и много другихъ книгъ, не менѣе драгоцѣнныхъ, наприм., „Іисусъ на крестѣ, или жертва примиренія Бога съ человѣками“.—*Познай себя*—І. Месона и множество другихъ, какъ богословскихъ, такъ и историческихъ и философскихъ.

Это было толкованіе профессоромъ псалма 102-го, съ приложеніями содержащихся здѣсь истинъ къ жизни каждаго вѣрующаго въ Господа Бога, и вѣрнаго Господу Богу христіанина. Возвышенная пѣснь сія свящ. псалмопѣвца истинно высоко, поэтически, и, можно сказать, свыше вдохновенно изъясняема была намъ профессоромъ. Отецъ Михаилъ былъ профессоромъ по классу Свящ. Писанія, и вмѣстѣ по предметамъ свящ. герменевтики и богословія сравнительнаго. Въ урокахъ по этому богословію, профессоръ побѣдоносно обличалъ догматическія заблужденія римско-католиковъ, равно какъ и ихъ своевольныя измѣненія древлеправославнаго и вселенскаго чинопослѣдованія всѣхъ седми таинствъ церковныхъ. Что касается доктора нѣмецкаго Мартина Лютера, то его отецъ Михаилъ громилъ безпощадно. Замѣчу здѣсь кстати, что и тогдашній владыка митрополитъ Кіевскій, блаженныя памяти Филаретъ *Милостивый* (*Амфитеатровъ*), не могъ спокойно говорить объ ономъ мужѣ, который—по вѣрному изреченію незабвеннаго нашего исторіографа церковнаго, блаж. памяти Иннокентія епископа Пензенскаго—*разодралъ церковь западную* (см. церк. истор. Иннок. в. 16-й—*о реформаціи*). Подобно сему говорилъ о Мартинѣ Лютерѣ и Митрополитъ Кіевскій Филаретъ, который изображалъ Лютера словами псалма семьдесятъ девятаго. О, сколь трогательна сія священная пѣснь — молитва церкви святой къ Верховному Пастыре-Начальнику Своему, начинающаяся словами: *Пасый Израиля вонми... Виноградъ насадилъ еси... онъ исполнилъ землю* и проч. *всякую низложилъ еси оплотъ его и обимаютъ его вси мимоходящіи путемъ. Озоба его вепрь* [1]) *отъ дубравы, и уединенный дивій пояде его Боже силъ обратися... Господи Боже силъ! обрати ны, и просвѣти лице Твое, и спасемся.*

---

[1]) Этимъ *вепремъ* Митрополитъ Кіевскій Филаретъ называлъ Лютера. Къ нему же относилъ и сказанное въ Писаніи объ уничтоженіи праздниковъ въ церкви. *П. Н. Ф.*

Сравнительное богословіе тогда носило названіе богословія обличительнаго, и въ составъ сей науки входило и разсмотрѣніе заблужденій невѣрія. Отецъ Михаилъ оставилъ Академіи и лекцію эти—противъ невѣрія. Онъ въ нихъ обличаетъ невѣріе *скрытное*—укрывающееся подъ благовиднымъ наименованіемъ философіи—въ трехъ видахъ: натурализмъ, идеализмъ и пантеизмъ,—и невѣріе *открытое* также въ трехъ проявленіяхъ: безбожіе, религіозная сомнительность и погибельнѣйшій индиферентизмъ. Эти его замѣчательныя лекціи сохранились только въ манускриптахъ. Лекціи же по ученію о вѣроисповѣданіяхъ христіанскихъ вѣрно передалъ въ печати приснопамятный архимандритъ отецъ Иннокентій (*Новгородовъ*), бывшій ректоромъ Казанской Духовной Академіи, въ своемъ почтенномъ трудѣ: «Обличительное богословіе»[1]). Извѣстный досточтимѣйшій профессоръ *Обервекъ* въ примѣчательной книгѣ своей «Свѣтъ съ Востока» указываетъ тѣ же отступленія латинянъ отъ древле-православнаго совершенія и преподанія Таинствъ Церкви, какія были указаны отцомъ Михаиломъ. Здѣсь кстати упомянуть о замѣчательномъ изреченіи преосвящ. архіепископа Димитрія (*Муретова*) «Если врачеванія для исцѣленія отъ болѣзни должны быть употребляемы согласно предписаніямъ о нихъ врачей: то не тѣмъ ли болѣе врачеванія Врача Небеснаго, Пастыря и Посѣтителя душъ, Великаго Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, каковыя суть учрежденныя Имъ въ Церкви седмь Таинствъ, должны быть употребляемы нами съ возможнымъ тщаніемъ сохранять точно чинъ оныхъ Самимъ Спасителемъ установленный». О, Богослове нашъ мудрый и не-

---

[1]) О. Иннокентій (Новгородовъ) былъ студ. Кіевской Д. Акад. въ к. XV-мъ (1847—1851). Рукописи лекцій о. Михаила сохраняются у протоіерея о. Михаила Богданова—студ. XII-го к. Кіевск. Акад. и у протоіерея о. Георгія Панова—студ. XIV-го к. Кіевск. Д. Акад. Часть оныхъ—обличеніе невѣрія – передана была симъ мнѣ, а мною послана была въ редакц. Д. Ч. *П. Н. Ф.*

забвенный іерарше Димитріе! Вѣчная тебѣ память въ церкви да пребудетъ!...

Отецъ Михаилъ былъ сокурсникомъ преосвящ. еп. Ѳеофана (X-го курса К. Акад.) и его землякомъ и другомъ (*оба изъ Орловской губ.*). Преосвящ. Ѳеофанъ сохранялъ свою дружески-братскую любовь къ о. Михаилу, и по чувствамъ сей любви благословилъ къ отпечатанію во Владмірскихъ Е. В. въ 1865-мъ году «воспоминанія объ о. Михаилѣ (*Монастыревѣ*) одного изъ бывшихъ его слушателей [1]). Ихъ же товарищемъ по курсу былъ и В. П. Макарій (*Булгаковъ*) митрополитъ Московскій. Сокурсники ихъ всѣхъ по Академіи—протоіереи въ Кіевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Вяткѣ [2]), единогласно свидѣтельствовали, что сіи три священноинока: Ѳеофанъ, Михаилъ и Макарій въ Академіи являли въ себѣ истинныхъ аскетовъ, и въ особенности Ѳеофанъ и Михаилъ, точно сохранявшіе Евангельское слово о первоначальникѣ иноковъ христіанскихъ—святомъ Предтечи и Крестителѣ Спаса Іоаннѣ (Лук. 1. 15). Когда отецъ Михаилъ скончался, В. П. Макарій (*Булгаковъ*), высказывая близкимъ глубокую скорбь сердца о ранней кончинѣ сего благочестиваго собрата во Христѣ, между прочимъ говорилъ и сіе: «если бы сей приснопамятный мужъ подольше пожилъ на свѣтѣ,—много опередилъ бы онъ меня въ моихъ трудахъ ученыхъ». Сіе замѣчаніе многоученаго Макарія митрополита тогда же, т. е. вскорѣ по кончинѣ отца Михаила, слышали мы—бывшіе его слушатели—изъ устъ В. П. архіепископа Казанскаго Антонія, бывшаго въ годину кончины о. Михаила ректоромъ Кіевской Д. Семинаріи. Годъ провелъ съ нами «святый» о. Михаилъ. Здѣсь оговорюсь: чтобы не подумалъ кто, будто самъ возвожу его во святые, скажу: когда онъ скончался, митрополитъ Филаретъ на вопросъ: можно ли похоронить отца

---

[1]) Пишущаго сіе *И. И. Ф—го.*

[2]) Въ Кіевѣ Д. А. Ждановъ, въ Н.-Новгородѣ К. І. Миловидовъ, въ Вяткѣ С. Н. Каменскій—всѣ сокурсники о. Михаила (X к.).

Михаила въ храмѣ?—отвѣтилъ: хорошіе въ храмѣ: это—*святой* человѣкъ.—Кромѣ лекцій, мы слышали и видѣли о. Михаила молящимся съ нами въ храмѣ. Незабвенна пребудетъ для насъ молитва его церковная, особенно во дни нашего говѣнія въ В. постѣ. Обходя храмъ съ кадиломъ въ началѣ утрени великопостной, отецъ Михаилъ являлся намъ ангеломъ съ небесъ. О, Боже силъ Небесныхъ, да восхваляемъ Тебя—Тріипостасное Божество—Михаилъ—намъ драгоцѣнный съ Архистратигомъ Михаиломъ, со всѣми святыми Твоими Ангелами!—Бывши помощникомъ библіотекаря Академіи, отецъ Михаилъ раздавалъ студентамъ книги для чтенія не просто по ихъ требованію,—но съ большою осторожностію, предохраняя насъ отъ чтенія писателей безполезныхъ и особенно вредныхъ. По отношенію къ наставникамъ Академіи, о. Михаилъ внушалъ намъ слушать особенно тѣхъ, кои казались намъ-юношамъ по нашему незрѣлому еще уму какъ бы скучными.

Протоіерей Н. Флоринскій.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ИЗЪ СТУДЕНЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Баккалавръ Академіи XI-го к. (1839—1843) Андрей Іоанновичъ Капустинъ читалъ намъ лекціи по священной герменевтикѣ. Поступивъ въ монашество, съ именемъ Антонина, онъ сталъ преподавателемъ и богословія обличительнаго. Сей досточтимѣйшій архимандритъ-профессоръ отецъ Антонинъ читалъ лекціи въ духѣ отца Михаила, и по преимуществу разсматривалъ заблужденія латинства, а въ особенности лютеранства. Противъ заблужденій сего онъ направлялъ и мысль умовъ нашихъ, давая намъ въ темы сочиненій по герменевтикѣ подобные сему вопросы: «Почему Господь Іисусъ Христосъ любилъ часто именовать Себя Сыномъ Человѣческимъ?» Незабвенно замѣчаніе отца Антонина о томъ, какъ Пресвятая Богоматерь Приснодѣва не оставляетъ покровительствовать тѣхъ христіанъ, кои исполнены бывъ благоговѣйною любовію къ Ней, яко воистину Богородицѣ, чтутъ священную память Ея.

Лютеранское Богословіе не помнитъ ни Апостольскаго и Соборно-Каѳолическаго ученія Церкви о лицѣ Іисуса Христа, и о двухъ въ Немъ естествахъ, впадая въ Монофизитизмъ, ни ученіи Церкви о Пресвятой Дѣвѣ Маріи, какъ воистину Богородицѣ Честнѣйшей Херувимъ и Славнѣйшей безъ сравненія Серафимъ.

Отецъ архимандритъ Антонинъ, добре сослуживъ служ-

---

*) Продолженіе. См. сентябрьскую кн. *Душеполез. Чт.* 1900 г.

бу просвѣщенію христіанскому въ Академіи, добре послужилъ Господу и во Святомъ Его Іерусалимѣ—*Матери церквей и Божіемъ жилищѣ*. Тогда, въ наше академическое время, было царство монаховъ. Монахи были и начальниками и профессорами. И доброе — истинно доброе было то время. Если профессорами наукъ свѣтскихъ лучшими оказываются люди, посвящающіе себя одной наукѣ, и *не обязующіеся куплями жетейскими*, то не тѣмъ ли болѣе науки духа требуютъ себѣ въ служители людей, служащихъ духу, а не тѣлу работающихъ. Въ особенности же науки Богословскія. Незабвенно изреченіе великаго ученаго западнаго Лейбница:

«Когда слушаю проповѣдь пастора (священника женатаго), тогда вижу въ ней чистую прозу: но когда слышу проповѣдь монаха, нахожу въ оной самую высокую поэзію».

Такъ разсуждалъ ученый изъ протестантовъ: пусть же протестанты, прислушаясь къ голосу геніальнаго онаго нѣмца, снова возсоиждутъ монастыри христіанскіе, у себя въ предѣлахъ державъ лютеранскихъ, какъ прибѣжище истинно-богословской науки и совершенно христіанскаго просвѣщенія народовъ,—монастыри, разрушенные у нихъ святотатственною рукою Лютера! Но пусть и народы христіанскіе, держащіе у себя оные священные *стяги* христіанства, грядущаго на просвѣщеніе міра всего свѣтомъ истиннаго Богопознанія, ревностно и благоговѣйно хранятъ священнѣйшія обители монашескія.

Незабвенный протоіерей І. М. Скворцевъ, когда М. К. Филаретъ разъ, прогуливаясь съ нимъ по двору Акад., сказалъ ему: «вы Ив. Мих.—столбъ православія», осмѣлился замѣтить: «Владыко святый! вотъ видите нашъ старый академическій корпусъ: столбы-то въ зданіи его—бѣлые, а покрышки ихъ черныя». Сіи слова, Скворцовымъ сказанныя, толкуются такъ: «Не отвергаю, что и мы—духовенство бѣлое, учимъ народъ вѣрѣ и благочестію; но вмѣстѣ признаемъ верховенство надъ нами въ дѣлѣ про-

свѣщенія духовенства монашествующаго, облекшагося въ ризу почести.

Послѣ о. Михаила, когда онъ скончался чрезъ годъ нашего въ Академію поступленія, лекціи по Свящ. Писанію предлагалъ намъ Н. А. Ѳаворовъ, тогда юный баккалавръ Академіи, нынѣ заслуженный профессоръ Богословія въ Кіевскомъ Университетѣ св. Владиміра. Сей же наставникъ читалъ намъ и науку Патрологію, послѣ отъѣзда изъ Академіи преподавателя оной—В. И. Аскоченскаго. Лекціи Ѳаворова какъ по Священному Писанію, такъ и по Патрологіи или Патристикѣ были таковы, что надлежало бы къ слушанію оныхъ собираться всему интеллигентному міру. Впослѣдствіи времени, прочиталъ проповѣдь Назарія Антоновича Ѳаворова на Вознесеніе Господне, напечатанную въ трудахъ Академіи Кіевской, пишущій сіе, находясь тогда въ г. Владимірѣ, въ землю поклонился издалека проповѣднику, воистину помазанному свыше.

Здѣсь припомнилось, какъ Орестъ Марковичъ Новицкій, заслуженный профессоръ Университета св. Владиміра въ Кіевѣ, при разговорѣ, гдѣ была рѣчь о Назаріи Антоновичѣ Ѳаворовѣ, выразился: «Назарій Антоновичъ—истинно добрый нашъ пастырь, и самый его наружный видъ показываетъ намъ, что это добрый пастырь». Припомнилось это слово потому, что и мы—слушатели Назарія Антоныча въ Академіи примѣчали въ чтеніяхъ его черту неподражаемую: онъ, прочитывая намъ мѣста изъ Твореній Свято-Отеческихъ, произносилъ ихъ такимъ тономъ, такимъ внушительнымъ голосомъ, что представлялось, будто самъ святой отецъ говорилъ намъ, а не лекторъ о немъ. Что касается лекцій Назарія Антоныча—онѣ были верхъ совершенства и заронили въ душахъ ихъ слушателей самыя глубокія, сердечныя и душевныя убѣжденія въ святѣйшихъ истинахъ вѣры и нравственности христіанской. Этотъ же прекрасный наставникъ утвердилъ насъ и въ вѣрѣ во святое Евангеліе, превосходно раскрывши согла-

сіе всѣхъ 4-хъ свящ. Евангелистовъ. А объясненіями на свящ. книгу Апокалипсисъ просвѣтилъ взоръ нашъ на чудныя Божіи судьбы въ исторіи міра и святой Церкви.

Лекціи по Богословію патристическому Н. А. Ѳ. читалъ послѣ В. Ѵ. Аскоченскаго, заслуга котораго предъ Академіею состояла въ томъ, что онъ первый сталъ разработывать тогда новую еще науку объ Отцахъ и Учителяхъ Церкви. Мы же—тогдашніе слушатели Аскоченскаго болѣе вспоминаемъ его, какъ великолѣпнаго, истинно въ духѣ православной церкви, пѣвчаго и вмѣстѣ регента Академическаго хора. Здѣсь вспомянуть долженъ я баккалавра лектора о философіи свв. Отцевъ и Учителей Церкви Димитрія Васильевича Поспѣхова, скончавшагося въ званіи доктора богословія и профессора философіи.

Не удаченъ былъ выходъ на каѳедру философіи недавно скончавшагося досточтимаго профессора Академіи Д. В. Поспѣхова—доктора Богословія. Назначенный баккалавромъ философіи въ 1845-мъ году, Д. В. Поспѣховъ получилъ на долю свою—читать о философіи Отцевъ и Учителей Церкви. На экзаменѣ предъ Р. Х. въ 1845 году прибывшій М. К. Филаретъ, когда ему поданы были ректоромъ Академіи конспекты наукъ, разсмотрѣвъ оные—спросилъ ректора: «а это что у васъ какая новая наука: философія Отцевъ и Учителей Церкви?» Доколѣ оторопѣвшій отъ нежданнаго вопроса ректоръ о. Димитрій (Муретовъ) собирался дать Владыкѣ-митрополиту надлежащій отвѣтъ, перво-святитель сказалъ тотчасъ же ректору: «вычеркните изъ программы наукъ эту науку: ибо у свв. Отцевъ и Учителей Церкви мы учимся не философіи, а православному, христіанскому, апостольскому, святоотеческому, соборному Богословію». По сему приговору архипастыря-богослова, юный баккалавръ философіи долженъ былъ ограничить свои лекціи по исторіи философіи обозрѣніемъ философіи Филона и проч. философовъ школы Александрійской. Предметъ былъ мало интересовавшій насъ—слушателей Поспѣхова. Почему и не

нахожу чѣмъ отличить его лекціи. Но зато личность Дмитрія Васильевича Поспѣхова, какъ истинно-христіанскаго философа, хранится въ памяти моего сердца, какъ личность истинно-прекрасная. Въ студентахъ еще семинаріи онъ обладалъ знаніемъ Богословія столь основательнымъ, что—по порученію профессора Богословія и ректора семинаріи Владимірской — составилъ трактатъ о догматѣ двухъ естествъ въ лицѣ Богочеловѣка такой, что О. А. Евѳимій выдалъ ученикамъ Богословія трактатъ сей Поспѣхова для изученія. Въ Академіи обучаясь Поспѣховъ написалъ прекрасное сочиненіе на тему, данную Я. К. Амфитеатровымъ: Nemo orator nisi vir bonus. И самъ Димитрій Васильевичъ всѣми, кто зналъ его, былъ всегда признаваемъ, какъ истинно vir bonus. По оставленіи о. Ѳеофиломъ (Авсѣевымъ) Академіи, Поспѣхову поручено было преподаваніе въ К. Д. Акад. Психологіи, и онъ преподавалъ ее здѣсь до конца своей жизни. Какъ же читалъ Дмитрій Васильевичъ лекціи психологическія въ Академіи,—объ этомъ пусть скажутъ бывшіе его слушателями..

Помню только, что душа Поспѣхова тяготѣла болѣе къ историческимъ наукамъ; въ особенности тщательно изучалъ Дмитрій Васильевичъ отечественную исторію, изъ которой избранъ былъ имъ въ предметъ курсового сочиненія «Уставъ Ярослава 1-го (Мудраго)», и столь удачно разработанъ, что профессоръ Общей Церковной Исторіи, и вмѣстѣ исторіи Русской Церкви, незабвенный протоіерей (каѳедральный) о. Григорій Никифоровичъ Крамаревъ говорилъ о семъ сочиненіи Поспѣхова: «Это сочиненіе если бы и заграничнымъ, лучшимъ историографамъ представлено было на разсмотрѣніе,—не сомнѣваюсь—и тамъ заслужило бы автору степень доктора». Перечитывая многіе историческіе акты и документы по предмету своего сочиненія, Поспѣховъ столь заинтересовался своими изслѣдованіями, что началъ собирать матеріалы и для разработки многихъ другихъ предметовъ въ области исторіи отечественной, и у него въ библіотекѣ наполнено было два боль-

шихъ сундука собственноручными его выдержками и выписками изъ древнихъ актовъ и документовъ по Исторіи Отечественной. Въ предметъ сочиненія, на полученіе степени доктора Богословія, Дмитрій Васильевичъ избралъ изслѣдованіе о книгѣ «Премудрости Соломоновой». Степень доктора заслужилъ и званіе оное высокое въ Академіи получилъ. Книга вышла большая, и не мало интересная. Но что несравненно важнѣе—изслѣдователь Судебъ Божіихъ въ Исторіи Отечества изученіемъ Библейской книги еще болѣе упремудрился разумомъ и поистинѣ являлъ въ себѣ самомъ, въ своей собственной жизни образъ Библейскаго мудреца. Да упокоитъ же Господь разумовъ Христосъ Богъ, почивая на престолѣхъ разумныхъ, душу добре послужившаго дѣлу христіанскаго просвѣщенія юношей раба Своего Димитрія въ свѣтлыхъ небесныхъ селеніяхъ Дома Отца, Иже на небесѣхъ!

Родитель Поспѣхова былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ сельскихъ пастырей въ еп. Владим. Его любилъ и уважалъ незабвенный В. П. Парееній архіеп. Владим. [1852 г.].

Лекціи по исторіи литературы: общей и отечественной читалъ В. Н. Трейеровъ, читалъ обстоятельно и весьма интересно для слушателей. Онъ же преподавалъ и теорію словесности, касаясь въ этихъ чтеніяхъ взглядовъ философовъ на изящное въ искусствѣ.

Подобно отцу Михаилу Монастыреву, съ сердечной теплотой души относился добрый Трейеровъ къ студентамъ. Живя въ корпусѣ, въ которомъ помѣщались студенты младшаго курса (философскаго отдѣленія), В. Н. наблюдалъ жизнь нашу и удивлялся легкости отношеній къ наукѣ нѣкоторыхъ студентовъ. Эти студенты были великіе меломаны: вечера проводили таковые въ дружномъ хоровомъ пѣніи русскихъ народныхъ пѣсней въ общей умывальной компатѣ. Иногда здѣсь же слышенъ былъ голосъ и какого либо уединеннаго пѣвца, облегчавшаго грусть души въ меланхолическихъ напѣвахъ: «Когда это занимаются студенты дѣломъ? они поютъ, они все поютъ» —

съ удивленіемъ замѣчалъ В. Н.; и весьма нерѣдко присылалъ камердинера своего—просить студентовъ, чтобъ замолчали и не мѣшали ему—профессору своему заниматься. Нерѣдко студенты, не слушаясь, продолжали свое удовольствіе. Но никогда добрый профессоръ не приносилъ за это непослушаніе жалобъ начальству.

Впрочемъ не все народныя пѣсни пѣлись. Были студенты-любители и вмѣстѣ прекрасные исполнители пѣснопѣній церковныхъ. Таковыхъ прашизали товарищи: пропѣть, что либо изъ церковныхъ гимновъ. Незабвененъ въ этомъ отношеніи П. А. Вышневскій. Онъ нерѣдко пропѣвалъ вслухъ товарищей *соло* пасхальные часы. Да какъ пѣлъ!!.. И доселѣ въ воспоминаніи льются звуки музыкальнаго голоса незабвеннаго пѣвца. Обыкновенно Петръ Акимовичь пѣлъ означенныя пѣснопѣнія предъ послѣобѣденнымъ урокомъ еврейскаго языка.

О профессорахъ философіи — Авсеневѣ и Гогоцкомъ скажу, что оба были искренно любимы и уважаемы студентами за интересность лекцій ихъ и вмѣстѣ за ихъ добрыя отношенія къ студентамъ, въ особенности Гогоцкаго. Чтенія отца Ѳеофана по психологіи, и въ особенности по такъ называемой въ наукѣ: *Исторіи души*, въ которыхъ онъ не мало руководился философомъ-психологомъ изъ нѣмцевъ Шубертомъ, были преинтересныя. Его философія исторіи также не мало насъ увлекала. Но нравственная философія о. Ѳеофана была верхъ совершенства. Отецъ Ѳеофанъ вызванъ былъ по Высочайшему повелѣнію—въ русскую миссію въ Римъ. Тамъ и скончался этотъ боголюбезный воистину архимандритъ. Скончался замѣчательно—въ первый день святыя Пасхи, послѣ божественной литургіи, тихо заснувъ сномъ вѣчнаго покоя, за книгою въ рукахъ. Надлежало бы—кому слѣдуетъ—и лекціи отца Ѳеофана издать въ печать въ полномъ ихъ составѣ, что весьма удобно и въ настоящее время сдѣлать: такъ какъ лекціи его по психологіи и исторіи души пожертвованы профессоромъ при отъѣздѣ въ Римъ—въ библіотеку каѳед-

ральнаго Кіево-Софійскаго собора, гдѣ доселѣ и сохраняются.

Отецъ Ѳеофанъ—въ послѣдній годъ службы при Академіи—читалъ уроки по священному писанію въ 1847/8 учебномъ году. Здѣсь, при чтеніи лекцій сихъ, профессоръ исповѣдалъ предъ нами: «друзья! пятнадцать лѣтъ посвятилъ я на изученіе германской философіи; потерялъ я зрѣніе, перечитывая писанія нѣмцевъ. Теперь, когда привелъ меня Господь къ изученію Его откровенія въ Божественномъ, Священномъ Писаніи, вижу, что все, чѣмъ восхищался я въ области мыслей философовъ, все это давнымъ давно высказано въ Божественныхъ Писаніяхъ Пророковъ и Апостоловъ». Другую замѣчательность отецъ Ѳеофанъ повѣдалъ намъ сію: «нашимъ журналомъ Академическимъ: «Воскресное Чтеніе» такъ недовольны инославные богословы, что хотѣли бы стереть его съ лица земли». С. С. Гогоцкій прекрасно прочелъ намъ исторію древней философіи, въ особенности греческой. Исторію новой философіи онъ же читалъ намъ, интересно весьма о схоластикахъ. Что касается новѣйшей философіи, исторію о ней раздѣлялъ онъ съ отцемъ Ѳеофаномъ: но ни тотъ ни другой не успѣли намъ прочесть о философахъ съ Бекона и Декарта и до Гегеля включительно.

Въ Академіи во время нашего обученія было два отдѣленія: низшее, или философское, и высшее или богословское. Въ первомъ было такъ сказать—два факультета: математическій и историческій. Но исторія отечественная была обязательнымъ и для математическихъ предметовъ. По математикѣ и физикѣ профессоромъ состоялъ Венедиктъ Павловичъ Чеховичъ, и его адъюнктомъ, или экстраординарнымъ профессоромъ, Давидъ Александровичъ Подгурскій. По исторіи всеобщей былъ профессоромъ Андрей Даміановичъ Граниковъ, по исторіи русской профессоромъ экстро-ординарнымъ Алексѣй Лукіановичъ Минервинъ. Греческій языкъ—предметъ для всѣхъ обязательный преподаваемъ былъ экстраординаромъ профессоромъ лингви-

стики Иваномъ Матвѣевичемъ Бобровницкимъ. Латинскій языкъ, котораго преподаваніе началось только въ богословскомъ классѣ въ наше время, читалъ профессоръ Д. А. Подгурскій. Языкъ священный, еврейскій преподаваемъ былъ студентамъ богословскаго отдѣленія ординарнымъ профессоромъ языковъ Иваномъ Петровичемъ Максимовичемъ. Языки новѣйшіе читали баккалавры: Алексѣй Михаиловичъ Колосовъ—французскій языкъ, и Константинъ Ивановичъ Скворцовъ—языкъ нѣмецкій.

Упомянутые доселѣ преподаватели были наставниками нашими въ нашемъ отдѣленіи Академіи. Нѣкоторые изъ нихъ входили въ составъ профессоріи и высшаго класса. Иванъ Петровичъ Максимовичъ читалъ языкъ еврейскій только для высшеотдѣленцевъ. И. М. Бобровницкій преподавалъ языкъ греческій и въ высшемъ отдѣленіи. О. Ѳеофанъ Авесневъ, въ низшемъ отдѣленіи читавшій психологію и исторію философіи, въ высшемъ преподавалъ философію нравственную, также читалъ философію исторіи и преподалъ нѣсколько лекцій по Свящ. Писанію. Назарій Антонычъ Ѳаворовъ, читавшій въ низшемъ отдѣленіи Свящ. Писаніе, въ высшемъ преподавалъ ученіе объ отцахъ церкви (патрологію). Алексѣй Лукіяновичъ Минервинъ, въ низшемъ читавшій гражданскую исторію русскую, въ высшемъ преподавалъ исторію россійской церкви.

Когда мы—студенты низшаго отдѣленія, пришедши въ номера изъ аудиторіи говорилъ одинъ съ другимъ о выслушенныхъ нами лекціяхъ, старшіе студенты сообщали намъ свѣдѣнія о выслушенныхъ ими лекціяхъ. Особенно восхищали ихъ лекціи профессора богословія Димитрія, тогда архимандрита Братскаго монастыря и Академіи Кіевской ректора.

Всѣ поименованные мною наставники интересовали насъ своими чтеніями. Всѣ относились къ студентамъ съ любовію, истинно-отеческою. Давно отошли въ вѣчность почти всѣ они. Но память о нихъ, какъ о добрыхъ нашихъ просвѣтителяхъ знаніемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ о добрѣй-

шихъ отцахъ нашихъ живетъ и будетъ жить въ сердцахъ ихъ признательныхъ слушателей, доколѣ бьются для земной жизни наши сердца... Но, Господи Боже нашъ! Много ли остается доселѣ въ живыхъ и изъ насъ, бывшихъ слушателей превосходныхъ профессоровъ Кіевской Академіи годовъ 1845—1849?.. Только десять человѣкъ изъ восьмидесяти, пріѣхавшихъ въ 1845 г. въ Кіевъ держать вступительный въ Академіи экзаменъ. Изъ сихъ восьмидесяти двадцать разсѣялись на первыхъ же по пріѣздѣ въ Кіевъ мѣсяцахъ въ разныя страны. А изъ оставшихся шестидесяти уже пятьдесятъ человѣкъ предварили насъ въ переходѣ въ *небесную Академію*.

Протоіерей Н. Флоринскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ СТУДЕНЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

По переходѣ въ классъ богословскій, вмѣсто профессоровъ, нами возлюбленныхъ, встрѣтили мы профессоровъ, не меньшей любви достойныхъ, то были: прекрасный знатокъ и преподаватель церковной исторіи профессоръ Григорій Никифоровичъ Крамаревъ, незабвенный профессоръ церковнаго проповѣдничества Яковъ Козьмичъ Амфитеатровъ, мудрый профессоръ богословія нравственнаго отецъ архимандритъ Даніилъ (*Мусатовъ*), и геніальный профессоръ догматическаго богословія—тогда архимандритъ, впослѣдствіи архіепископъ Димитрій (*Муретовъ*). Этотъ навѣки незабвенный сердцу нашему мужъ — прежде чѣмъ предложить слуху нашему свои истинно-богословскія, подобныя вѣщаніямъ свв. отцевъ церкви лекціи—озаботился ввести питомцевъ Академіи въ училище истиннаго богословія—церковь православную—по выраженію о ней св. Іоанна Златоуста: *Вселенскій университетъ*. Какъ самъ совершалъ богослуженіе отецъ Димитрій истинно-благолѣпно, за что и отъ народа получилъ названіе еще въ архимандритствѣ своемъ: *братскаго архіерея*; такъ и богослуженіе въ монастырѣ Братскомъ при семъ Академіи ректорѣ совершаемо было необыкновенно хорошо: вполнѣ чинно, благостройно, священнолѣпно, боголѣпно. Только благодаря богослуженію дней Димитрія научились мы достойно цѣнить книгу псалмовъ священныхъ, а также и божественныя пѣснопѣнія христіанскія, въ особенности на

*) Окончаніе. См. октябрьск. кн. *Душеполезнаго Чтенія* 1900 г.

великіе праздники. Доселѣ душа благоговѣйно внимаетъ, напримѣръ, пѣснопѣніямъ: преславная видѣша... и припѣвъ Пятидесятницы, какъ пѣлись оныя во дни Димитрія... О, Димитрій, незабвенный пастырь и просвѣтитель душъ нашихъ: умовъ и сердецъ отецъ нашъ Димитрій! Вѣчная память да будетъ тебѣ и у Господа Бога, и въ церкви Его святѣй, отецъ нашъ Димитрій!

Въ параллель великому догматисту Димитрію, на каѳедрѣ богословія нравственнаго состоялъ профессоромъ глубокій онаго знатель и дѣятельный исполнитель, отецъ архимандритъ Іоанникій (*Горскій*), впослѣдствіи архіепископъ Варшавскій, и затѣмъ Одесскій. Лекціи сего незабвеннаго отца слушать намъ Богъ не привелъ, такъ какъ вскорѣ по нашемъ поступленіи въ Академію отецъ Іоанникій былъ назначенъ ректоромъ въ семинарію Ярославскую. Отъ слушателей его прежнихъ курсовъ слышали мы, что лекціи отца Іоанникія по достоинству своему равнялись Димитріевымъ. Особенно превозносили они въ похвалахъ его аскетику. Не мудрено. Ибо самъ отецъ Іоанникій былъ истинно-христіанскій и вполнѣ православный аскетъ. Это и намъ довелось знать, проведшимъ подъ инспекторскимъ руководствомъ его, къ сожалѣнію, весьма краткое время, къ сожалѣнію,—ибо отецъ Іоанникій, будучи строгій аскетъ, былъ вмѣстѣ прекрасный юношей воспитатель: воспитатель кроткій, благоснисходительный, мудрый. Квартира инспектора помѣщалась во второмъ этажѣ новаго корпуса, въ углу къ саду. Разъ, въ темный вечеръ осенній нѣкто изъ студентовъ, предшественниковъ нашихъ, по фамиліи *Сырохновъ*, чтобы разогнать нашедшую на него скуку, выдумалъ такое развлеченіе для себя: онъ взлѣзъ на дерево въ саду академическомъ, близкое къ инспекторской квартирѣ, и закаркалъ по вороньему. Отецъ инспекторъ отворилъ фортку окна изъ своего кабинета и сказалъ, махнувъ платкомъ: «шишь, дурная птица!» — Карканье прекратилось. Когда фортка затворилась, Сырохновъ снова закаркалъ. Инспекторъ снова сгонялъ птицу. Такъ повто-

рялось нѣсколько разъ. Инспекторъ послалъ служителя въ садъ спугнуть ворона. Слуга возвратившись сказалъ, что онъ съ фонаремъ ходилъ по всему саду, и ни на одномъ деревѣ ворона не видалъ. Тогда отецъ Іоанникій идетъ въ садъ съ фонаремъ самъ и, подошедши къ дереву ближайшему къ кабинету его, видитъ спускающагося съ дерева студента. «Сырохновъ! это вы? что вамъ вздумалось шалить такъ?» — сказалъ инспекторъ. Потупивъ глаза въ землю, Сырохновъ отвѣтилъ: «простите меня, отецъ инспекторъ! Но мнѣ очень стало грустно; на меня тоска нашла»... «Да развѣ такъ тоску прогоняютъ? Вѣдь вы могли, лазая на дерево, оборваться и ушибиться», съ улыбкою сказалъ смущенному юношѣ инспекторъ. И этимъ замѣчаніемъ ограничилось вразумленіе инспекторское. Положимъ, что за подобную шутку и не слѣдовало строго вступаться. Но были серьезнѣе шутки, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей. Въ нижнемъ этажѣ корпуса новаго, подъ инспекторской квартирой былъ номеръ, въ которомъ помѣщалось нѣсколько студентовъ-монаховъ. Разъ вечеромъ пришелъ сюда студентъ А. В. Скрябинъ и, довольно пошутивши на счетъ монашества, сказалъ: но довольно! Начнемъ лучше, отцы, пѣть по лаврски съ канонархомъ. Монахи сказали: согласны; канонархи! Будемъ за тобою пѣть и мы. Тогда Скрябинъ: «стихира гласъ восьмой: *монаховъ множество*... монахи пропѣли... Инспекторъ, думавшій выслушать: «наставника тя почитаемъ отче нашъ Антоніе, или: Ѳеодосіе»... услышалъ совершенно иное... Пораженный кощунствомъ студента, спустился внизъ, вошелъ въ номеръ монашескій и, обратившись къ канонарху, сказалъ: «ужели вамъ не стыдно такъ кощунничать?»... Впрочемъ, несмотря на это, Скрябинъ окончилъ курсъ магистромъ... Какое великодушіе инспектора-профессора! Не меньшее великодушіе видѣли мы и въ М. Филаретѣ. Разъ студенты накурили табакомъ, и, на бѣду, въ номеръ тотъ вошелъ митрополитъ Филаретъ (это было во время экзаменовъ выпускныхъ). Кротко тогда замѣтилъ юношамъ бла-

женный старецъ-владыка незабвенный: «зачѣмъ себя коптите? какое мясо лучше и полезнѣе: свѣжее, или копченое?» Свѣжее: отвѣтили студенты. — «То-то и есть: промолвилъ митрополитъ. Такъ къ чему себя-то вы коптите?»

О. архим. Іоанникій — незадолго предъ своимъ отъѣздомъ — посѣщая номера, далъ студентамъ тему для размышленія: «О залогѣ личнаго безсмертія человѣческой души въ самой душѣ нашей».

Путешествуя въ Кіевскую Академію, мы—три студента Владимірской дух. семинаріи: Поспѣховъ, Нарбековъ и Флоринскій, — въ г. Тулѣ встрѣтили студента Рязанской дух. семинаріи П. А. Александровича, туда же слѣдовавшаго, и его захватили съ собою. Предъ г. Батуринымъ взяла у насъ одну изъ лошадей почтовыхъ графиня *З.*, и за это одного изъ насъ К. В. Поспѣхова посадила въ свою карету. Подъѣхавъ къ Батурину, почтовая наша телѣга опрокинулась въ ровъ, наполненный водою отъ проливнаго дождя: мы трое хорошо выкупались и должны были остаться въ Батуринѣ, для просушенія платья. За то въ сладость наѣлись плодовъ изъ садовъ Батурина (*тогда выморочнаго имѣнія*) и — вдобавокъ — плодовъ: грушъ, сливъ, яблокъ, абрикосовъ набрали даромъ себѣ на дорогу. Да упокоитъ Господь со святыми тогдашняго добраго нашего въ садахъ Батуринскихъ гостепріимца!

Здѣсь скажу о спутникѣ графини—молодой тогда дамы и вполнѣ прекрасной, путешествовавшей въ Кіевъ съ компаньонкой. Когда Ксенофонтъ Васильевичъ снова явился въ сообщество насъ—спутешественниковъ,—спросили мы его: «что говорила вамъ графиня?»—Ничего особеннаго, отвѣчалъ юноша:—только восхищалась цвѣтами окружавшихъ полей и злаками хлѣбными? — Сей юноша скоро оставилъ Академію и свѣтъ сей: онъ преселился въ жизнь вѣчную въ 1848 году по осени, скончавшись отъ холеры. Нерѣдко о немъ вспоминая, думаю, что путешествіе, импровизованное ему въ каретѣ графской, въ Кіевъ было устроено ему свыше ради его духовныхъ совершенствъ: Ксен.

Вас. Посп. былъ душа чистая, дѣвственная. Да упокоитъ его Господь со святыми!

Пріѣхали мы, володимерцы и съ нами рязанецъ, въ Кіевъ 14 августа 1845 года утромъ въ 9-мъ часу, и остановились на лѣвомъ берегу Днѣпра противъ св. Лавры. Благовѣстили въ св. Лаврѣ къ литургіи въ большой колоколъ, яко въ день праздника преп. Ѳеодосія и предпразднества Успенія Пресвятыя Богородицы. При звукахъ сего священнаго благовѣстія о праздникѣ подъѣхавшій поромъ принялъ и перевезъ насъ на правый Днѣпра берегъ. Сошедши съ порома, немедля отправились мы на извозчикахъ въ Академію.

Здѣсь отпраздновавъ праздникъ Успенія, на другой день, 16 августа, нѣкоторые изъ пріѣхавшихъ студентовъ пришли въ Богоявленскій храмъ академическаго, Братскаго монастыря помолиться съ такою (*какъ послѣ сказывали сами*) мыслію: «нынѣ—праздникъ Нерукотвореннаго образа Христова. Образъ этотъ есть и на крестѣ магистерскомъ. Удостой меня, Господи, быть богословія магистромъ!» Спустя много лѣтъ послѣ означеннаго, слыхали мы отъ тако тогда молившихся: вотъ я богословія магистръ. Но почему? Думаю, не по иной причинѣ, какъ только той, что—вступая въ Академію, просилъ я Господа объ этой великой милости: быть мнѣ учителемъ въ церкви Его святому закону Его.—О, доброе время, когда вѣра одушевляла и вдохновляла и образованныхъ, равно какъ и необразованныхъ!

На пріемномъ экзаменѣ предложены были намъ три темы. Всѣхъ ихъ не помню. Помню одну, данную самимъ митрополитомъ Кіевскимъ достойноуважаемымъ Филаретомъ (Амфитеатровымъ). Вотъ эта тема:

«Въ чемъ болѣе проявилъ Господь Богъ Свои благость, премудрость и всемогущество: въ твореніи ли міра, или въ искупленіи человѣка?»

По принятіи въ Академію, выслушавъ благодарный молебенъ въ Конгрегаціонной церкви академической, отпра-

вились мы, студенты, въ Лавру, испросить небесныхъ молитвъ за насъ у св. отцовъ Антонія и Ѳеодосія и прочихъ чудотворцевъ печерскихъ.

И затѣмъ начались уроки. Когда интересовалъ насъ какой наставникъ лекціи, всѣ мы вставали съ мѣстъ, и стоя съ наклоненными къ лектору главами слушали его вдохновенную намъ рѣчь. Да, это были истинно-вдохновенныя рѣчи—лекціи нашихъ добрыхъ профессоровъ. Послѣ лекцій шли мы на обѣдъ въ академическую столовую, гдѣ посрединѣ на аналоѣ очередной чтецъ изъ студентовъ читалъ во время обѣда чтеніе: житіе дневнаго святого, или святоотеческую проповѣдь. Если въ день какой бывалъ именинникъ кто изъ студентовъ, студенты предъ обѣдомъ заходили привѣтствовать именинника, и пили заздравицу, кто вино виноградное (*розовое*, *красное*), кто водку. Но рюмка водки, или стаканъ вина никакого вреда не причиняли. Почему и академическое начальство не преслѣдовало сего обычая братской любви соучащихся.

Спустя два часа по обѣдѣ, собирались снова въ классы на уроки по языкамъ. Здѣсь, до прихода наставниковъ, или ораторствовалъ кто изъ студентовъ, или же пѣлъ пѣсни либо свѣтскія, либо и церковныя. Выше упомянуто было уже мною объ одномъ изъ такихъ пѣвцовъ: П. Я. Вышневскомъ. Вѣчная ему доброму память! Затѣмъ вечерній чай—(кто имѣлъ его у себя; тогда казеннаго чаю невыдавалось), путешествіе любителей пѣнія и табаку въ боковку—умывальную комнату; хоровыя здѣсь пѣсни. За ними часъ, два занятія въ номерѣ. Затѣмъ ужинъ, вечернія за нимъ молитвы, и сонъ. Кто желалъ, занимался и послѣ молитвъ долго. Товарищи просили такого любителя науки: затуши свѣчу! Дай уснуть! Онъ повиновался... И въ номерѣ водворялись покой и тишина до утренняго звонка на молитву.—Наканунѣ воскресныхъ дней и праздничныхъ проза жизни нашей измѣнялась въ поэзію: прослушавъ всенощную, превосходно исполненную и въ церковномъ и въ музыкальномъ отношеніяхъ, возвратившись

въ номера, мы сами составляли здѣсь концерты духовные. Иногда приглашали и регента академическаго хора—незабвеннаго Александра Яковлевича Песоцкаго. Когда жъ нельзя было залучить его къ себѣ, пѣли сами себѣ. Студентовъ изъ обращенныхъ уніатовъ это радовало. И они, возвеселенные, предлагали вниманію товарищей уніатскія наивныя пѣсни вродѣ слѣдующихъ:

«Іосифе старенькій!
Плачетъ Христосъ маленькій... и пр.

Или: Анѣлъ пасторжымъ мовилъ:

Христосъ се вамъ народзилъ»... и пр.

Но и въ будніе дни не скучали мы. Послѣ обѣденныхъ классовъ, прогуливались студенты, обыкновенно, по Александровской улицѣ. Благочестивые изъ нихъ заходили къ вечернѣ въ храмы приходскіе. Любители ничегонедѣланія заходили въ гостиницы, гдѣ пили чай. Поклонники красоты слѣдовали совѣту Ломоносова въ извѣстной его пѣсни, «*смотря на дѣвицы, на красныя лицы*»,—что было удобно: ибо, во время прогулокъ студенческихъ, барышни, дочери Кіевскихъ гражданъ, выходили изъ домовъ и изъ калитокъ дворовыхъ, на студентовъ высматривали.—Послѣ прогулки иные занимались усердно до ужина и послѣ ужина. Ужинъ полагался въ 8 часовъ вечера. Въ 9 часовъ вечернія молитвы. Между симъ 8 и 9 остававшееся свободное время посвящаемо было или на прогулку по двору братскаго монастыря и садику академическому, или на маршировку по коридору, при которой дружныя, какъ на дворѣ и въ саду, велись между студентами бесѣды. Въ то же время номерные старшіе вели разговоръ свой съ инспекторомъ въ его квартирѣ, начинавшійся свѣдѣніями инспекторскими о событіяхъ дня въ жизни студенческой, но состоявшій, главнымъ образомъ, въ превосходныхъ и незабвенныхъ бесѣдахъ отцевъ инспекторовъ богословско-нравственнаго содержанія. То были великіе инспекторы, незабвенные инспекторы: ибо они старались быть и въ профессорскихъ

своихъ лекціяхъ, и въ распоряженіяхъ своихъ относительно жизни студенческой руководителями юношей къ единому на потребу—истинно-нравственному, христіанскому совершенству. Да, отецъ Іоанникій (*Горскій*) умѣлъ воспитывать. Мы, студенты 14-го курса, видѣли не одного изъ воспитанныхъ отцомъ Іоанникіемъ, — и о нихъ скажемъ: Александръ Павловичъ Язецкій (*изъ Псковичей*) окончилъ курсъ 1-мъ магистромъ въ XIII-мъ курсѣ Академіи и былъ оставленъ въ ней баккалавромъ. Нравственнѣйшій и трудолюбивѣйшій сей мужъ, къ горю и печали и наставниковъ и студентовъ Академіи, скончался на первой же трети учебнаго 1847/8 года, успѣвъ сказать не болѣе одной, или двухъ лекцій. За то Господь Богъ привелъ прекраснѣйшему изъ его товарищей до 1890 годовъ послужить честно, благородно и славно дѣлу воспитанія и образованія юношей въ Харьковѣ: это Василій Іоанновичъ Добротворскій, незабвенный протоіерей, богословія профессоръ. Живъ еще и въ Кіевѣ другъ Язецкаго высокоуважаемый протоіерей, воспитатель множества юношей и дѣвицъ, какъ законоучитель мужской и женской гимназіи, Павелъ Ѳедорычъ Подвысоцкій. Изъ сего курса памятны намъ многіе, какъ бывшіе наши номерные старшіе, наприм.: Покровскій, Прага, Ярмоленко, Гаврилковъ, Мерцаловъ и проч., и все это были личности превосходныя. И всѣ они были питомцы инспектора Іоанникія, воистину великаго. Да упокоитъ душу сего преподобнаго святителя Господь со святыми. Преемникъ Іоанникія по инспекціи архимандритъ Ѳеофанъ Авсеневъ проникнутъ былъ желаніемъ сдѣлать студентовъ именно такими свѣтлыми личностями, какою превосходно изображалъ онъ въ психологіи своей идеальную личность человѣка. Царство и ему доброму и святому небесное! Иногда на всенощныхъ, отецъ Ѳеофанъ, молившійся позади студентовъ, подзывалъ кого-либо изъ юношей къ аналогію, за которымъ стоялъ, и на которомъ лежала богослужебная книга, и предлагалъ студенту прочесть, что его самого, отца Ѳеофана интересовало. Иногда,

при посѣщеніяхъ студентовъ въ номерахъ при утреннихъ или вечернихъ молитвахъ, давалъ имъ добрѣйшіе совѣты и наставленія для жизни. А во дни Великаго поста и говѣнія студентовъ приглашалъ въ духовники великихъ старцевъ изъ Лавры, которые умѣли, при исповѣди, преподать студентамъ и высокіе уроки христіанской нравственности.

Разница у Ѳеофана съ Іоанникіемъ была въ томъ, что отецъ Іоанникій хотѣлъ и умѣлъ лично на каждаго воспитанника простирать воспитательное вліяніе, отецъ Ѳеофанъ желалъ вести къ совершенству нравственному всѣхъ заодно, забывая о разностяхъ въ настроеніи юношей. Оттого плоды воспитательной дѣятельности Ѳеофановой были другіе, чѣмъ отъ инспекціи Іоанникіевой. На многихъ студентовъ привелось отцу Ѳеофану приносить жалобы самому митрополиту Филарету, какъ на ослушниковъ своихъ. Но жалобы ни къ чему не привели. Ослушники остались ослушниками во всю жизнь. Такими и скончались.

Изъ воспитанниковъ 14-го академическаго курса Кіевской Академіи возсіяли для церкви два теперь почившихъ іерарха. Преосвященный Балтскій Іаннуарій. Это былъ мужъ, воистину богоугодный. Иванъ Ивановичъ Вознесенскій (*его имя въ міру*) останется незабвеннымъ въ сердцахъ знавшихъ его товарищей. Немного уже оныхъ въ живыхъ. Но пусть живущіе припомнятъ, какъ добрѣйшій Иванъ Ивановичъ Вознесенскій предлагалъ дружелюбно зайти въ номеръ его и здѣсь послушать прекрасную игру на гусляхъ сономерната, товарища нашего Ивана Ивановича Смирницкаго... Здѣсь же съ утѣшеніемъ слышали мы, посѣтители и дружелюбную рѣчь Петра Іоанновича Макаревскаго, впослѣдствіи епископа Екатеринославскаго Ѳеодосія. Господь да воспомянетъ вашу святую любовь къ ближнимъ святые іерархи Іаннуаріе и Ѳеодосіе и да воздастъ вамъ милостію и щедротами безконечными за вашу святую къ братіи любовь... До недавнихъ, послѣднихъ дней изъ воспитанниковъ Кіевской Академіи свѣтилъ міру высокопреосвященный митрополитъ Кіевскій Іоанникій.

Храмъ Богоявленія Господня былъ не однимъ мѣстомъ моленія студентовъ. Въ корпусѣ *старомъ* былъ храмъ Благовѣщенія Пресв. Богородицы. Церковь эта называлась церковію Конгрегаціонною. Въ корпусѣ старомъ, гдѣ она находилась въ верхнемъ его этажѣ, устроены были и три аудиторіи для лекцій: двѣ для отдѣленія низшаго и одна для высшаго. Коридоръ предъ аудиторіями былъ открытый. Между церковію и аудиторіями помѣщался залъ для собраній академическихъ, украшенный портретами благодѣтелей и замѣчательныхъ дѣятелей Академіи. — Въ промежутки между классами выходили студенты на предклассную открытую галлерею и здѣсь и физически и нравственно освѣжались. Когда лекція была особенно хороша, то мы, вышедъ на открытую галлерею, съ одушевленіемъ смотрѣли на синее небо благодатнаго юга и мысленно неслись душами къ живущему на небеси...

Библіотека академическая помѣщалась въ корпусѣ новомъ, гдѣ и мы жили. Послѣ полученія нами изъ оной учебниковъ и пособій, ходили мы сюда для полученія книгъ для чтенія. Уже упомянулъ я о библіотекарѣ о. Михаилѣ, какъ неохотно давалъ онъ намъ книги неполезныя, напротивъ, вредныя нашему воспитанію. Теперь скажу, что самъ Академіи ректоръ архимандритъ Димитрій говорилъ студентамъ сіе: «слушайте и изучайте лекціи наставниковъ. Чтеніемъ книгъ займетесь по окончаніи курса. А теперь слушайте и изучайте лекціи вашихъ наставниковъ!»

Онъ же, отецъ Димитрій сказалъ намъ премудрую мысль сію: немного книгъ читайте, но читайте ихъ—по указанію наставниковъ. Когда окончите курсъ, можете свободно прочитывать, что угодно.—Онъ же, незабвенный высказалъ и сіе: «неологи нѣмецкіе слабы, ибо одинъ другого разрушаютъ. Но читать ихъ опасно,—у нихъ діалектика сильная. Только св. Ефремъ Сиринъ можетъ своими писаніями въ прахъ опровергнуть діалектику неологовъ».

Протоіерей Н. І. Флоринскій, студентъ 14-го курса Кіевской Духовной Академіи.

Кіевъ. 1899 г. іюля 14 дня.

Воспоминая о начальникахъ, наставникахъ и о друзьяхъ-товарищахъ въ Академіи, съ любовію благодарною вспомяну и врачей академическихъ нашего времени. Докторъ Іоаннъ Трофимовичъ Щербина, профессоръ медицины въ университетѣ св. Владиміра, былъ врачемъ при академической больницѣ до 1848 года, въ которомъ оставилъ онъ Академію. Въ годахъ 1845 ему было лѣтъ тридцать отъ роду. Несмотря на молодость свою, онъ былъ врачъ опытнѣйшій и искуснѣйшій. Его попеченіямъ ввѣрялъ себя и высокопреосвященный митрополитъ Кіевскій Филаретъ тѣмъ охотнѣе, что видѣлъ въ Іоаннѣ Трофимовичѣ добраго христіанина—и глубоко вѣрующаго и высоко-нравственнаго. Іоанну Михаиловичу Скворцову, равно какъ и другимъ профессорамъ Академіи, Іоаннъ Трофимовичъ былъ искренній другъ и вмѣстѣ ихъ почитатель. Онъ пережилъ всѣхъ ихъ—тогдашнихъ нашихъ наставниковъ,—но и по смерти друзей, когда разговоръ съ нимъ кого-либо изъ паціентовъ его касался ихъ, всегда вспоминалъ о нихъ съ самою сердечною любовію. Самъ онъ скончался недавно въ годахъ глубокой старости, и, что замѣчательно, только за недѣлю до кончины прекратилъ благодѣтельную практику свою, пользуя въ послѣдніе годы житія своего больныхъ въ третьей Кіевской гимназіи.

Іоаннъ Трофимовичъ былъ воспитанникомъ Харьковскаго университета, въ которомъ, какъ и въ другихъ университетахъ нашихъ, среди студентовъ, особенно на медицинскомъ факультетѣ, бываетъ не мало изъ семинаристовъ, и вотъ что повѣдалъ онъ пишущему сіе разъ, по случаю разговора нашего съ нимъ о *невѣрахъ*. «Изъ насъ людей свѣтскихъ невѣрующіе все же почтительно относятся къ истинамъ религіознымъ, сомнѣваются, но благоговѣютъ предъ недовѣдомыми уму нашему тайнами вѣры христіанской. Что касается лицъ невѣрующихъ изъ среды духовнаго міра, то сіи являются смѣлыми и дерзкими въ сужденіяхъ о предметахъ религіозной вѣры». Подобное помнится, заявилъ и профессоръ М. П. Погодинъ въ своей

преинтересной книгѣ подъ заглавіемъ: «Простая рѣчь о мудреныхъ вещахъ».—Какъ семьянинъ, Іоаннъ Трофимовичъ вмѣстѣ съ своею досточтимою супругою [1]) превосходное далъ воспитаніе и образованіе дѣтямъ своимъ. Особенно замѣчательна была по христіанскимъ добродѣтелямъ дочь его Александра Іоанновна Слѣпушкина, супруга директора 2-й Кіевской гимназіи, Іоанна Іоанновича Слѣпушкина [2]). По выходѣ изъ Академіи доктора Щербины мѣсто врача при академической больницѣ занялъ бывшій воспитанникъ старой Кіевской Академіи докторъ Петръ Павловичъ Пелехинъ. Какъ Щербина, такъ и Пелехинъ относились къ больнымъ съ самымъ искреннимъ участіемъ, и умѣли имъ искусно подавать руку помощи для избавленія отъ всепоглощающей смерти. Студентъ Николай Гавриловичъ Аракинъ едва не умеръ отъ кровоизліянія горломъ. Петръ Павловичъ остановилъ кровь, привелъ здоровье больного въ благонадежное состояніе, помѣстивъ его на свою дачу, гдѣ тотъ совершенно оздравился, и—благодаря Господа и врача, какого послалъ ему Богъ, — пожилъ еще не мало лѣтъ ко благу общества. Въ 1868 году прибылъ въ Кіевъ сей дорогой нашъ (*14-го курса*) сокурсникъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, состоявъ на службѣ въ Департаментѣ Удѣловъ. Но едва мы успѣли порадоваться свиданію, послѣ долгой разлуки съ этимъ истинно добрымъ товарищемъ, какъ прежній, академическій недугъ кровоизліянія горломъ подкосилъ нашего дорогого друга, и Николай Гавриловичъ успокоился сномъ смерти на Вознесенскомъ кладбищѣ г. Кіева, не оставивъ никого рыдать по себѣ, кромѣ препочтеннаго родителя

---

[1]) Она была изъ купеческаго рода. Родной братъ ея отецъ іеромонахъ Кіево-Печерской Лавры, Александръ, былъ типографомъ лаврскимъ.

[2]) Всѣхъ оныхъ незабвенныхъ лицъ привелъ Господь проводить на тотъ свѣтъ пишущему эти воспоминанія, и надъ всѣми ими произнесены были тѣмъ же слова заупокойныя. О, если бы и они воспомянули о мнѣ молитвенно на томъ свѣтѣ! *П. Н. Ф.*

своего, честнѣйшаго іерея Орловской епархіи, отца Гавріила Аракина, въ томъ же самомъ году проводившаго въ жизнь загробную и другого сына своего Григорія Гавриловича, также нашего сокурсника, внезапно скончавшагося отъ удара въ С.-Петербургѣ.

Помощники докторовъ при Академіи: Василій Андреевичъ и Іоаннъ Филипповичъ были люди предобрые къ студентамъ. Послѣдній изъ сихъ столь искусенъ былъ во врачеваніи болѣзней, что нерѣдко въ г. Кіевѣ приглашаемъ былъ къ отчаянно больнымъ, какъ добрый врачъ, и умѣлъ подлинно врачевать болѣзни самыя тяжкія, какъ, напримѣръ, болѣзнь отъ солнечнаго удара.

Профессоръ нравственнаго богословія въ Кіевской Академіи въ 1850 годахъ отецъ архимандритъ Даніилъ (*Мусатовъ*) изъ магистровъ X-го курса С.-Петербургской Академіи былъ достойнымъ преемникомъ по классу предшественника своего архіепископа Іоанникія (*Горскаго*). Доселѣ свято сохраняется въ сердцахъ и умахъ слушателей о. Даніилъ, какъ его свѣтлая, безукоризненно честная во священствѣ, монашествѣ личность, такъ и его прекрасныя лекціи. Всю систему нравственнаго богословія основалъ онъ на текстѣ изъ посланій св. ап. Павла: *должно хранить таинство вѣры въ чистой совѣсти.* Въ частности незабвенны его лекціи о величіи вѣры, какъ христіанской добродѣтели; о молитвѣ Господней, какъ сокращеніи Евангелія; о блаженствахъ евангельскихъ, какъ златой цѣпи добродѣтелей христіанскихъ, влекущей держащихся оной на небо; о возможности покаянія и нравственнаго исправленія для утратившаго непорочность, полученную въ таинствѣ св. крещенія и возобновляемую въ таинствѣ св. покаянія.

Скончался отецъ архимандритъ Даніилъ въ санѣ ректора семинаріи Екатеринославской и погребенъ на общемъ городскомъ кладбищѣ. Въ 1890 году Господь привелъ пишущаго сіе слушателя отца Даніила помолиться о упо-

коеніи души его со святыми, на его могилѣ. О, если бы онъ, драгоцѣнный, и также драгоцѣнный тогдашній спутникъ мой, теперь уже покойникъ, отецъ протоіерей-ректоръ той же семинаріи Екатеринославской отецъ Михаилъ Разногорскій вознесли на томъ свѣтѣ молитву ко Господу за меня грѣшнаго!

П. Н. Ф.

Кіевъ.
1900 г. апрѣля 18 дня.

(† 12 іюля 1900 г.)